

*Памяти Уоррена Арчера (1946–2018),
мужа, друга и героя, — с любовью*

Глава 1

Девина потрогала шляпку, проверяя, под правильным ли углом она сидит, разгладила лайковые перчатки. В приемной дожидались еще двое: судя по одежде и манере держаться — оба джентльмены. Надо полагать, ей придется ждать долго — наверняка первыми примут их.

Приглашение принесли три дня назад, весьма впечатляющее: на кремовой бумаге с водяными знаками, написанное изысканным почерком и запечатанное восковой гербовой печатью. В нем предлагалось сегодня к часу дня явиться в Сент-Джеймский дворец и отдать приглашение пажу возле дверей в Гобеленовый зал. Этот молодой человек привел ее сюда и сказал ждать.

Ах какую суматоху вызвало это письмо! Мистер Хьюм, у которого она служила, захотел лично его прочитать, а затем почти целый час рассказывал ей, как нужно будет себя вести, что говорить, чего не говорить и как высказать угрозы, чтобы они не прозвучали слишком уж откровенно. Но Девина очень надеялась, что до этого не дойдет. У нее на коленях лежало письмо, полученное дедом из канцелярии королевского двора. И как только его увидят... О, наверняка все сразу будет исправлено.

Она взглянула на остальные бумаги: одна из них была написана отцовской рукой, и в ней он рассказал о наследстве все, что знал. Отец отдал ей письмо, когда подхватил ту болезнь, что убила его. «Я доверяю все это тебе, хотя не знаю, какой из этого может выйти толк. И все же ты имеешь право знать». О, как ей хотелось, чтобы отец сейчас находился с ней рядом! Его неизменное спокойствие всегда придавало ей уверенности.

В приемной появился еще один паж и тотчас подошел к ней. Обоим джентльменам это определенно не понравилось: они провожали Девину гневными взглядами, когда паж повел ее к выходу из приемной. Она очень старалась не нервничать: ведь если уж ты собираешься разговаривать с королем, то нельзя терять самообладание.

Паж привел ее в кабинет, расположенный недалеко от приемной. Там ее приветствовал какой-то мужчина и предложил сесть в обтянутое голубым шелком кресло, стоявшее у окна. Сам же он — с очень прямой спиной — опустился на деревянный стул и проговорил:

— Рад познакомиться с вами, мисс Маккаллум. Меня зовут Джонатан Хевершем. Я представитель двора.

Разумеется, он имел в виду двор короля. Возможно, он являлся там какой-то важной персоной, но возможно, и нет. Насколько она могла судить, мистер Хевершем был всего лишь очень постаревшим пажом. Ну, может, не очень, но уж точно не молодым. На вид ему было лет пятьдесят, его седые волосы изрядно поредели, а макушка совсем полысела. Темные же глаза с тяжелыми веками и широкий, но безвольный подбородок создавали впечатление, что ему было неприятно иметь с ней дело.

— Ваша просьба об аудиенции получена, — сказал он.
— Я посылала и другие, — заметила девушка.
— Мне это известно, но, я уверен, вы в состоянии представить, насколько его величество занят. Однако он, будучи равнодушен к заботам своих подданных, попросил меня поговорить с вами.

Вот так-то... Значит, короля она не увидит. Ну что ж, по крайней мере с ней хоть кто-то поговорит.

— Как я объясняла в каждом из своих писем, у меня имеются доказательства, что после смерти моего прадеда его поместье забрала себе корона, — сказала Девина. — Я знаю, что во многих подобных случаях собственность позднее возвращали семье. У меня имеется письмо с обещанием короля, что он сделает то же самое и для нас. — Она протянула «пажу» сложенный вдвое листок пергамента. — Король, находясь в Эдинбурге, самолично сказал мне, что рассмотрит этот вопрос.

Развернув письмо, мистер Хевершем быстро пробежал глазами строчки и спросил:

— Что заставляет вас думать, что ваш дед являлся наследником этой собственности?

— Он сказал это моему отцу перед смертью.

Мистер Хевершем едва заметно улыбнулся.

— В подобных делах случались ошибки.

— Покойный король так не думал. — Девина указала на письмо, которое Хевершем все еще держал в руках.

— Покойный король временами заблуждался, — пробурчал «паж», нахмурившись. Девина же гадала: не собирался ли он объявить письмо подделкой? Впрочем, сделать это было бы сложно, потому что на нем имелась королевская печать. — А есть ли у вас какие-нибудь доказательства правомерности притязаний вашего деда?

— Я полагаю, они хранились у короля.

— Мы не нашли никаких свидетельств этому, — отрезал Хевершем.

Девина мысленно вздохнула. Она не могла гарантировать, что такие доказательства вообще существовали, поэтому не могла потребовать, чтобы их нашли.

— Король — этот король, то есть живущий сейчас, — лично сказал мне, что займется этим делом и разберется в нем. Он тогда находился в Эдинбурге, и мне предоставили аудиенцию. Вас там не было, но я уверена, что он обо мне помнит, а если нет, то имеются другие... вроде вас, которые наверняка не забыли. Человек, который устроил мне эту аудиенцию, точно все помнит. «Уж доказательства этого у меня точно есть, так что не пытайся от меня отделаться», — мысленно добавила Девина.

Губы Хевершема сжались и сложились в складку — как у лягушки.

— Никто и не подвергает сомнению ту встречу, мисс Маккалум. Мы действительно рассмотрим ваш вопрос. Собственно, уже начали. Отсюда и мое замечание насчет доказательств. Они нам потребуются. Короли не раздают земли на основании одних лишь голословных утверждений. Что же до этого, — он помахал письмом, которое все еще не выпускал из руки, — то оно будет фигурировать в финальном определении того, какое решение принять после предоставления доказательств.

Девина выхватила письмо и заявила:

— Я сохраню его у себя, если вы не против. Не хочу, чтобы и оно потерялось, как, я уверена, случилось здесь с тысячами других писем.

— Разумеется. Как пожелаете.

— Кроме того, я постараюсь обеспечить вас и другими доказательствами в поддержку тех, что присылались сюда много лет назад, — добавила девушка. — Я полна решимости разобраться с этим делом.

— Как и мы, заверяю вас. — Хевершем встал и протянул ей руку, помогая подняться. — Надеюсь, вы передадите герцогине наилучшие пожелания от его величества. Он был в восторге, получив ее письмо.

Девина очень в этом сомневалась. Но скорее всего только благодаря этому письму ее тут приняли. Если бы не герцогиня Страттон, вся поездка в Лондон оказалась бы пустой тратой времени.

«Паж» снова повел ее по коридорам и каким-то комнатам, пока не привел в гостиную.

И никто тут не обратил на нее ни малейшего внимания. Несколько взглядов в ее сторону, а затем все отвернулись. «Слишком немодная, чтобы представлять хоть какое-то значение» — вот что говорили эти лица. Но ее это не волновало. Она пришла сюда не для того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Она пришла за справедливостью — ради себя, отца и деда, которого никогда не видела.

Внезапно дверь отворилась, и в приемную вошел необычайно рослый мужчина.

Увидев его, Девина замерла. Появление этого человека лишь усилило ее тревогу. Высокий джентльмен вошел в приемную так, словно приходил сюда сотни раз (впрочем, вероятно, так оно и было). Ему вовсе не требовалось разглядывать обстановку этой просторной комнаты — как самой Девине, — более того, он дал знать о своем появлении безо всяких усилий. И все

тотчас же его заметили. А некоторые леди даже перешли на другое место — чтобы заглянуть ему в лицо.

Он величественно возвышался над всеми, и по его осанке становилось понятно, что он весьма важная персона. Рассеянная же улыбка, игравшая на его губах, свидетельствовала скорее о терпимости, чем о дружелюбии. И казалось, что глаза этого джентльмена — скорее темно-серые, чем синие, — видели всех насквозь. В общем, было совершенно очевидно, что в приемной появился Эрик Маршалл — «идеальный герцог», как его называли.

Девину представили герцогу Брентворту несколько дней назад, на приеме в честь герцогини Страттон, наконец-то получившей лавры за свой труд в качестве патронессы «Парнаса», женского журнала, набиравшего популярность. Девину пригласили, потому что она писала эссе для журнала. Только по этой причине она была знакома с герцогиней и другими присутствовавшими там дамами. И почти все они были выше ее по своему социальному положению.

На том приеме герцог снизошел до короткого разговора с ней. Она же держалась весьма достойно. И воспользовалась возможностью оценить его, что совершенно необходимо, когда имеешь дело с тем, кто может оказаться твоим врагом. Когда они познакомились, Девина уже знала, что сегодня ей предстояла эта встреча, но надеялась на более благоприятный исход. Однако же... увы. И сейчас ей не хотелось разговаривать с герцогом.

Девина отвела взгляд от герцога и направилась в другой конец гостиной; ей требовалось хорошенько подумать о том, как найти доказательства своего права на наследство.

Брентворт редко получал требования явиться ко двору. Собственно, и сейчас это было не требование, а скорее приглашение — в той, конечно, степени, в какой короли приглашают, а не приказывают. *«Его величество будет рад принять вас завтра в два часа дня»*, — гласило послание.

Он вошел во дворец Сент-Джеймс без четверти два. Но почему же король пожелал его увидеть? Ведь они с ним не очень-то ладили... И вообще король, в отличие от него, Эрика Маршалла, был дураком.

Возможно, это имело какое-то отношение к встрече, состоявшейся в этот же день, но раньше. Король мог узнать о возобновившихся попытках отменить рабство в колонии и пожелал высказать свои собственные взгляды на этот вопрос. Но что же у него за взгляды?.. Брентворт понятия об этом не имел. Нынешний король не очень-то интересовался политикой: он вообще мало чем интересовался, если речь не шла о его удовольствиях, — однако вполне возможно, что у него имелось собственное мнение. Ведь у большинства людей оно имелось — даже если они почти ничего не знали об этой проблеме.

Сегодня официального приема не было, поэтому и людей в приемной собралось совсем немного, не более двадцати человек.

Брентворт не стал представляться пажам — они и так его прекрасно знали. Как только он появился, один из них торопливо пересек комнату и вышел в дверь, ведущую в кабинеты.

Брентворт же остался в приемной; он дожидался либо самого короля, либо кого-нибудь, кто проводил бы его туда, где сейчас бездельничал монарх. И тут за-

метил молодую женщину в скромном голубом платье. Герцог тотчас узнал в ней мисс Маккаллум — писательницу, интересовавшуюся медициной. Она произвела на него огромное впечатление своим умением постоять за себя, общаясь с аристократами. Brentwort не мог не отметить, что во время их короткой беседы ее ничуть не впечатлили ни его титул, ни положение в обществе. А ведь такого не случилось почти никогда, в особенности — когда он общался с женщинами. Большинство пэров на его месте пришли бы в раздражение, а его эта женщина заинтриговала...

Шляпка почти скрывала ее белокурые, коротко обретенные волосы, но все же эта стрижка была заметна, несмотря на все попытки девушки спрятать ее. Brentwort пришел к выводу, что интерес к медицине возник у нее в результате какой-то серьезной болезни, во время которой ей пришлось обрезать волосы, — ведь при высокой температуре длинные очень мешают.

И сейчас, в этой приемной, она выглядела совершенно неуместной. К тому же, казалось, она была чем-то расстроена.

— Мисс Маккаллум, какой приятный сюрприз... — сказал герцог с улыбкой.

Девушка резко остановилась — и замерла, а затем присела в реверансе.

— Добрый день, ваша светлость.

— Вам нездоровится? — спросил Brentwort. — Или вас что-то беспокоит?

Она оглянулась на дверь, ведущую в длинный извилистый коридор со множеством кабинетов.

— Я просто расстроена тем, что к моему делу тут отнеслись весьма легкомысленно.

— У вас есть дело при дворе?

— Да, милорд, однако думаю, что вряд ли его когда-нибудь рассмотрят как должно. Сегодня я это поняла, — добавила девушка со вздохом. Было очевидно, что в душе ее отчаяние боролось с гневом.

— Неужели все так серьезно? — осведомился герцог.

Гнев явно победил, и мисс Маккаллум заявила:

— Вы полагаете, я похожа на женщину, которая будет отнимать у кого-то время ради пустяковых дел?

— Разумеется, нет, — ответил Brentворт, отводя девушку в сторону. — Если вас тут каким-то образом оскорбили, дайте мне знать. Я позабочусь о том, чтобы ничего подобного больше не случилось.

— Нет, не оскорбили... От меня просто отмахнулись... Как от человека, не достойного справедливости. — Девушка со вздохом оглядела свое скромное голубое платье и темно-синий жакет. — А будь я одета, как... — она кивнула на болтавших неподалеку дам, — как они, то это, наверное, помогло бы.

«Может, и так», — мысленно согласился герцог и проговорил:

— Вовсе нет, вы выглядите чудесно. — Сейчас эта девушка понравилась ему еще больше, чем во время их знакомства на приеме у герцогини Страттон. — Скажите, мисс Маккаллум, я могу чем-нибудь вам помочь?

Казалось, ее очень озадачили эти его слова. Она склонила голову к плечу, словно обдумывая, чем он и впрямь мог бы ей помочь, но затем вдруг сказала:

— Благодарю вас, милорд, но это дело личное. Помочь мне может только король, но я боюсь, что он этого не сделает. И сейчас мне нужно решить, смириться ли с этим или продолжить бороться.

— Если вы в своем праве — не опускайте руки. Поверьте, главное — настойчивость. И если вы будете настойчивы, то сможете преуспеть.

Девина невольно вздохнула. Ах как гладко все это прозвучало! Хотя сам герцог Brentворт не верил ни единому своему слову. Все эти люди надежно предадут забвению ее дело, если решат, что так будет лучше для их хозяина.

— Вы правы, милорд, — кивнула девушка. — Ваш совет принят. Я все еще могу собрать доказательства, которые требуются, чтобы привлечь его внимание.

Дверь в противоположном конце комнаты распахнулась, и появилась лысая макушка. Заметив это, мисс Маккаллум сказала:

— Я должна идти, ваша светлость. Не хочу снова видеть этого человека, пока не буду готова.

Она торопливо присела в реверансе и исчезла.

Лысый же пересек комнату и, остановившись прямо перед Brentвортом, изрек:

— Ваша светлость, спасибо, что пришли.

Эрик прекрасно знал Хевершема — тот находился в свите короля не один десяток лет. Завидев его, герцог всякий раз вспоминал шекспировского «Юлия Цезаря»: «А Кассий тощ, в глазах голодный блеск <...>. Хочу я видеть в свите только тучных»*.

— Меня призвал мой государь. Во всяком случае, я так думал, — отвечивал герцог.

— Я писал по его распоряжению, — Хевершем покраснел, — но сегодня он попросил меня говорить от его имени.

* Перевод М. Зенкевича. — *Примеч. ред.*

— Я не привык, чтобы кто-нибудь, пусть даже сам король, отделялся от меня при помощи клерка, — заявил Эрик.

— Отделялся? О боже, нет-нет. Просто я проведу предварительную работу, если можно так выразиться. Объясню вам кое-что. И тогда потом, когда вы встретитесь с его величеством, вам не придется ожидать его объяснений, которые могут оказаться... менее четкими. — Клерк кашлянул и добавил: — Вы ведь меня понимаете, не так ли?

И Брентворт действительно понимал. Королю потребуется час, чтобы сказать то, на что у Хевершема уйдет десять минут.

— По крайней мере, вы не настолько тупы, чтобы тянуть с объяснениями, — проворчал герцог.

— Да-да, милорд, разумеется! Право же, лучше всего, если мы поговорим наедине, прежде чем... то есть я хочу сказать, что данный вопрос некоторым образом ставит его величество в неловкое положение, и он предпочитает, чтобы я... Если вы присядете со мной вон там, я постараюсь вам все объяснить.

Под «вон там» имелись в виду два кресла, стоявшие позади статуи, и разговор в этом месте означал некоторую приватность. Брентворт плюхнулся в одно из кресел, и Хевершем тотчас же приступил к объяснениям:

— Как вам известно, после восстания якобитов многие шотландские аристократы были лишены титулов и имущественных прав. У некоторых после этого отняли земли. В отдельных случаях владения скончавшихся феодальных баронов вернулись короне ввиду отсутствия наследников или потомков. В этих случаях официальной конфискации не производилось.